

ческихъ убѣжденій, легкость, съ которой онъ переходилъ отъ одной партіи къ другой. Ешевскій видитъ въ этомъ вліяніе риторства, Кудрявцевъ—вліяніе прежде всего самой эпохи, которая не знала и не допускала нравственнаго закала и твердости убѣжденій. Поэтому, по мнѣнію рецензента, молодой авторъ съ горячимъ сердцемъ и гадливостью къ раболѣпной фразѣ былъ слишкомъ строгъ къ Сидонію... „Было бы странно,—оговаривается по этому поводу Кудрявцевъ,—хотѣть взять на себя защиту ритора. Мы вполне раздѣляемъ мысль автора о раздѣдающемъ дѣйствіи риторическаго направленія; мы также не ожидали бы ничего добраго отъ человѣка, который весь проникнутъ имъ. Въ вѣкъ мужества мысли особенно кажется презрѣннымъ риторъ съ своею позолоченною фразою на всякій случай и съ своею дешевою готовностью восхвалять всѣхъ и каждого. Но какъ есть время мужества мысли, такъ бываетъ пора ея дѣтства. Сидоній жилъ именно въ одну изъ такихъ поръ, когда невозможно было образованіе безъ примѣси риторства“.

Но не потому Сидоній былъ жалокъ и несостоятеленъ въ своей политической жизни, что по нѣскольку разъ выправлялъ слогъ своихъ писемъ къ пріятелямъ: Кудрявцевъ находитъ, что дѣйствія Сидонія гораздо проще и лучше объясняются его природными свойствами, чѣмъ школою и образованіемъ. Не въ риторикѣ, а въ живомъ, увлекающемся и легкомысленномъ характерѣ Сидонія коренилась его „неспособность глубокаго пониманія дѣйствительности“. Изъ-подъ общаго уровня римскаго образованія Кудрявцевъ разгадываетъ въ Сидоніи „настоящій галльскій типъ съ его неподдѣльною фizioноміей“, съ его слабыми и *снѣтлыми* чертами. Не римскія черты въ Сидоніи — его привязанность къ жизни, любовь къ удовольствіямъ, сердце, открытое впечатлѣніямъ природы и дружбы, воспріимчивость и способность къ увлеченію и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижность, любезность, общительность“.

Наконецъ, не все въ немъ и риторика: въ его изображеніи наружности и нравовъ варварскихъ народовъ, въ его характеристикѣ нѣкоторыхъ современниковъ есть черта несомнѣнной подлинности и наблюдательности, и даже тамъ Сидоній не всегда риторъ, гдѣ онъ говоритъ о самомъ себѣ. Такъ передъ читателемъ рецензіи постоянно выступаетъ изъ-за ритора живой образъ *человѣка*, представителя своего племени и своей эпохи, и Кудрявцевъ могъ съ полнымъ основаніемъ, по поводу характеристики Сидонія, сдѣлать прекрасное замѣчаніе, что, настоящая